

Российско-китайские отношения в контексте взаимовлияния интеграционных процессов

Случевский В. В., Торопыгин А. В.*

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Северо-Западный институт управления), Санкт-Петербург, Российская Федерация; * toropyginav@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются российско-китайские отношения в контексте сопряжения проектов Евразийского экономического союза и проекта «Один пояс — один путь». Сравнительно долго среди экспертов существовало мнение о сложности сопряжения этих проектов. ЕАЭС — интеграционное объединение некоторых стран постсоветского пространства. Относительно экономического пояса Шелкового пути долгое время шла дискуссия о его сути и механизмах.

Сложность сопряжения выделась в явном различии сути проектов, а отсюда и самих механизмов сопряжения. Понятие «Один пояс — один путь» используется нами в качестве обобщающего для всех отдельных проектов, выдвинутых Китайской Народной Республикой. По сути, это не меняет проблемы сопряжения.

В последнее время с появлением новых взглядов на вопросы интеграции и формирование теории евразийской интеграции ее стало возможным рассматривать как определенный механизм достижения других более значительных целей.

Цель. Целью исследования является анализ российско-китайских отношений в контексте влияния развития интеграционных проектов ЕАЭС и инициативы Китая «Один пояс — один путь» (ОПОП).

Задачи. Таким образом, задачами исследования стали: показать возможность исследования взаимодействия проектов в рамках интеграционного взаимодействия; показать, что взаимодействие является механизмом влияния на российско-китайские отношения.

Методология. Методология исследования основана на современных взглядах на процесс евразийской интеграции, точнее, на таких концептах, как «прагматическое евразийство», «скрепляющая интеграция», «географические полюса недоступности», «транспортный союз». При этом основной является идея интеграции как механизма достижения других целей, в том числе и возможности влияния на международные отношения.

В современных условиях на международные отношения, и в особенности на международные экономические отношения, непосредственное воздействие оказывает пандемия COVID-19.

Поскольку современное развитие, в первую очередь экономических отношений, во многом определяется влиянием пандемии, второстепенной задачей являлась задача показать устойчивость интеграционных объединений к условиям пандемии.

Результаты. В результате показана возможность использования положений современной теории евразийской интеграции для решения задач взаимодействия ЕАЭС и ОПОП. Показано, что идеологические противоречия проектов ЕАЭС (защита преференций общей таможенной территории) и ОПОП (создание обширных зон свободной торговли) отчасти снимается подписанными соглашениями в рамках сопряжения. Также показана устойчивость интеграционных структур к пандемии.

Выводы. Новые подходы к определению процесса интеграции, в частности, теория евразийской интеграции — «прагматическое евразийство» ориентированы на возможность достижения целей проекта «Один пояс — один путь» и концепции Большого Евразийского партнерства и дает возможность показать динамику развития в том числе и в российско-китайских отношениях.

Ключевые слова: теории интеграции, сопряжение интеграционных процессов, ЕАЭС, ОПОП, Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, нормативно-правовая база сопряжения

Для цитирования: *Случевский В. В., Торопыгин А. В.* Российско-китайские отношения в контексте взаимовлияния интеграционных процессов // *Евразийская интеграция: экономика, право, политика.* 2022. Т. 16. № 1. С. 22–30.

Russian-Chinese Relations in the Context of Mutual Influence of Integration Processes

Viacheslav V. Sluchevskiy, Andrey V. Toropygin*

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPА), Saint Petersburg, Russian Federation; * toropyginav@mail.ru

ABSTRACT

The article examines Russian-Chinese relations in the context of the interface between the projects of the Eurasian Economic Union and the project “One Belt — One Road.” For a relatively long time, experts considered the difficulty of connecting these projects. The EAEU is an integration association of some countries of the post-Soviet space. Regarding the economic belt of the Silk Road, there has long been a discussion about its essence and mechanisms.

The complexity of the interface was seen in the obvious difference in the essence of the projects, and hence the interface mechanisms themselves. The concept of “One Belt — One Road” is used by us as a generalization for all individual projects put forward by the People’s Republic of China. In fact, this does not change the interface problem.

Recently, with the emergence of new views on integration issues and the formation of the theory of Eurasian integration, it became possible to consider it as a certain mechanism for achieving other more significant goals.

Aim. The purpose of the study is to analyze Russian-Chinese relations in the context of the impact of the development of integration projects of EAEU and OBOR.

Tasks. Thus, the tasks of the study were: to show the possibility of studying the interaction of projects within the framework of integration interaction; show that interaction is a mechanism for influencing Russian-Chinese relations.

Methods. The research methodology is based on modern views on the process of Eurasian integration, more precisely on such concepts as “pragmatic Eurasianism,” “securing integration,” “geographical poles of inaccessibility,” “transport union.” At the same time, the main idea is integration as a mechanism for achieving other goals, including the possibility of influencing international relations.

Under current circumstances, the COVID-19 pandemic has a direct impact on international relations and in particular on international economic relations.

Since the modern development, primarily economic relations, is largely determined by the influence of the pandemic, the secondary task was to show the stability of integration associations to the conditions of the pandemic.

Results. The results were: the possibility of using the provisions of the modern theory of Eurasian integration to solve the problems of interaction between the EAEU and the OBOR was shown; it is shown that the ideological contradictions of the projects of the EAEU (protection of preferences of the common customs territory) and the OBOR (creation of extensive FTAs) are partially removed by the signed agreements within the framework of the interface; resistance of integration structures to pandemic is shown.

Conclusions. New approaches to defining the integration process, in particular, the theory of Eurasian integration — “pragmatic Eurasianism” is focused on the possibility of achieving the goals of the “One Belt — One Road” project and the concept of the Great Eurasian Partnership and provides an opportunity to show the dynamics of development, including in Russian-Chinese relations.

Keywords: Integration theories, conjugation of integration processes, the EAEU, OBOR, the Treaty on Good Neighborliness, Friendship and Cooperation, the regulatory framework for conjugation

For citing: Sluchevskiy V. V., Toropygin A. V. Russian-Chinese Relations in the Context of Mutual Influence of Integration Processes // Eurasian Integration: Economics, Law, and Politics. 2022. Vol. 16. No. 1. P. 22–30.

Введение

Наметившийся спад мировой экономики, а это произошло в 2017–2018 гг., многократно усилился в результате последствий пандемии коронавируса. Но основной причиной нестабильности являются многочисленные санкции и недружественные акты, предпринимаемые Западом: это и ограничения в сфере торговли, и противодействие строительству «Северного потока — 2», и сокращение числа дипломатов, и многое другое. При этом отчетливо видится их основная цель — противодействие Китаю и России. В этот процесс включились не только США, что было бы понятно, ведь Америка старается сохранить свои лидирующие позиции в мире, но и Европа, с которой еще сравнительно недавно были хорошие отношения и у Китая, и у России. Запад продолжает угрожать России и Китаю санкциями. На этом фоне недавний визит главы МИД РФ в Китай по случаю 20-летия со дня подписания Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Москвой и Пекином — знаковое событие. Две страны подтвердили свои намерения противостоять давлению Запада и подтвердили курс на сближение, на развитие стратегического партнерства¹.

По нашему мнению, реальным наполнением стратегического партнерства является процесс сопряжения двух крупных интеграционных проектов: инициативы Китая «Один пояс — один путь» (ОПОП) и интеграционного объединения Евразийский экономический союз (ЕАЭС).

Многовекторный характер интеграционного взаимодействия

Как известно, в основе ЕАЭС лежат сразу два принципа построения экономических интеграционных структур: принцип межгосударственного сотрудничества и наднациональности. Развитие интеграционных процессов на постсоветском пространстве прошло большой путь. Первой интеграционной структурой постсоветского пространства можно считать «Экономический союз СНГ» (1993 г.), в рамках которого было сформировано несколько таможенных союзов, к сожалению, весьма недолгосрочных. С помощью международной экономической организации «Евразийского экономического сообщества» (2000 г.), используя принцип наднациональности, был сформирован Таможенный союз трех стран: России, Казахстана, Белоруссии, который стал основой ЕАЭС (2015 г.). К трем указанным странам присоединились Армения и Киргизия.

За время, прошедшее после распада СССР, страны постсоветского пространства укрепили свою государственность и артикулировали основные направления внешней политики. Внешняя политика новых независимых государств характеризуется многовекторностью. Они настроены на взаимодействие со многими центрами экономической и политической силы. В этих условиях стала быстро развиваться региональная теория интеграции, появились направления, которые показали теоретические основы евразийской интеграции. Основным направлением стала «скрепляющая интеграция», показывающая важность влияния имеющейся (построенной ранее) инфраструктуры дорог, нефтепроводов и т. д. Огромные размеры территории, наличие «полюсов недоступности» и отсутствие выходов к морю предопределили важность географического детерминизма и противодействия ему в виде Транспортного союза. Транспортный союз был создан в рамках Евразийского экономического сообщества, организации, предшествующей ЕАЭС. А сама «интеграция» стала пониматься не как самоцель, а лишь как механизм достижения более важных целей: развития экономики, культу-

¹ Итоги визита министра иностранных дел Сергея Лаврова в КНР и Республику Корея [Электронный ресурс] // Международная жизнь. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/29520> (дата обращения: 15.09.2021).

ры, безопасности¹. Большой вклад в развитие этих взглядов внес первый президент Казахстана Нурсултан Назарбаев. Указанная модель интеграции — «прагматическое евразийство» — в настоящее время развивается путем создания зон свободной торговли между интеграционной системой и отдельными экономиками стран. Это важные теоретические изменения; они еще более зримо показывают, с одной стороны, важность, а с другой — возможность взаимодействия двух интеграционных процессов.

Однако в настоящее время важен вопрос, насколько интеграционные процессы устойчивы к COVID-19. В основе интеграционных процессов всегда лежит объединение, создание некоторого нового целого. В основе борьбы с COVID-19, наоборот, — сегментация, разъединение, появление границ. Имеющиеся данные показали высокую степень надежности интеграционных процессов против последствий новой коронавирусной инфекции. Так, в ноябре 2020 г. страны Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и их торговые партнеры заключили соглашение о всеобъемлющем региональном экономическом партнерстве (ВРЭП). Предполагается, что вступление его в силу создаст крупнейшую в мире зону свободной торговли с примерно 2,2 млрд потребителей и объемом ВВП до \$28 трлн, что составляет более 32% от общего мирового объема ВВП².

С 1 января 2021 г. вступило в силу панафриканское соглашение о создании зоны свободной торговли — Африканская континентальная зона свободной торговли (АФКЗСТ, Af CFTA). В АФКЗСТ участвуют 52 страны Африки из 55 государств — членов Африканского Союза. ЗСТ объединит государства — члены Африканского Союза, охватывающие рынок с населением более 1,2 млрд чел., включая растущий средний класс и совокупный валовой внутренний продукт (ВВП) ценой более \$3,4 трлн³. В этой связи некоторые эксперты стали даже утверждать, что Африка будет в XXI в. развиваться столь же стремительно, как и Китай в конце XX в. Конечно, это фантастическое предположение. Однако важность интеграционных процессов как раз в том и заключается, что интеграционные объединения смогут предложить государствам определенные преимущества, такие как создание стабильных отношений и, как следствие, создание конкурентной среды.

Взаимодействия КНР со странами Юго-Восточной Азии и Африки, особенно в сфере торговли, хорошо известны в мире. Но эти отношения не заканчиваются только торговлей. Это также инвестиционное и банковское сотрудничество, а также помощь развитию, особенно в африканском регионе, — Китай активно списывает долги бедных стран.

Как известно, дальнейшее развитие интеграции ведет к формированию транспортных, финансовых и деловых сообществ. Интеграция идет особенно интенсивно, если страны обладают различными взаимодополняемыми средствами производства: финансами, рабочей силой, полезными ископаемыми и т. д. Интеграционные структуры имеют возможность сосредоточивать и контролировать огромные ресурсы. Даже если не конструируются и не появляются специальные институты, договоры и соглашения между странами, образующие подсистему международного права, характерную для определенного проекта и создающую его целостность. Таким образом, интеграционные структуры являются акторами (субъектами) мировой политической системы нынешнего века. И, следовательно, они, преследуя собственные политические или экономические цели, способны изменить расклад сил на мировой политической арене, создавая сначала элементы, а затем новый мировой порядок.

¹ «...теорию современной евразийской интеграции можно также назвать “прагматическим евразийством”, поскольку оно следует чисто прагматическому подходу к построению интеграции... постановке экономических целей, а не идеологическое содержание...» (Кофнер Ю. Большая Евразия. Теория евразийской интеграции [Электронный ресурс] // Материалы РСМД 2019. URL <https://russiancouncil.ru/blogs/GreaterEurasia/teoriya-evraziyskoj-integratsii-ii/> (дата обращения: 15.09.2021)).

² АСЕАН и партнеры подписали соглашение о создании крупнейшей в мире зоны свободной торговли [Электронный ресурс] // Известия. 15.11.2020. URL: <https://iz.ru/1087349/2020-11-15/asean-i-partnery-zakliuchili-soglasenie-o-sozdanii-krupneishei-v-mire-zst> (дата обращения: 15.09.2021).

³ Африканская континентальная зона свободной торговли [Электронный ресурс] // WIPO. URL: https://www.wipo.int/wipo_magazine/ru/2020/04/article_0005.html (дата обращения: 15.09.2021).

Содружество, направленное на установление нового мирового порядка

Вместе с тем государства, являющиеся формально частью такой структуры, имеют собственный экономический курс и самостоятельно решают внешнеполитические вопросы, что порождает определенные противоречия, затрудняющие процесс интеграции. Тем не менее это наиболее практичный вариант взаимодействия в современных условиях, дающий возможность включиться в региональное и глобальное политическое управление.

«Один пояс — один путь», как отмечает подавляющее число экспертов, — проект, направленный на формирование нового мирового порядка. В первую очередь это вытекает из государственных документов, определяющих внешнеполитический курс КНР. При этом важно отметить, что отсутствие детализации проекта является своеобразным тактическим приемом, дающим возможность его развития сообразно текущей обстановке. Здесь можно вспомнить пример из практики Содружества Независимых Государств, когда в Уставе организации не было конкретно назван этот институт, что дало бы возможность избежать конфронтации различных сил, настаивающих на своей точке зрения по этому поводу.

Выше мы уже сказали, что в основе построения ЕАЭС лежат два принципа: межгосударственного сотрудничества и наднациональности. Другими словами, политико-нормативные решения могут приниматься в форме решения наднационального органа — Европейской экономической комиссии (ЕЭК) и в форме международных соглашений. Государства — члены ЕАЭС передали этой структуре суверенные полномочия только в сфере таможи. Евразийская комиссия решает вопрос о едином таможенном тарифе. Во всех остальных сферах действует принцип межправительственного сотрудничества; подписываются международные соглашения / договоры. Вместе с тем возможен вариант, когда ЕЭК передается право вести переговоры от имени ЕАЭС и его государств-членов. Формально ЕАЭС является исключительно экономическим объединением, однако ЕЭК не обладает компетенций для ведения диалога по более широкому кругу вопросов от лица Союза. По сути, ЕЭК переданы полномочия в сфере управления таможенной при помощи международного договора Таможенного кодекса Таможенного союза. В данном случае ЕАЭС является примером того, как интеграционная система, с одной стороны, является нечто целым, с другой — у государств-членов есть возможность проводить собственный политический курс.

Если говорить о ЕАЭС, основной параметр внешнеполитического курса стран его членов — многовекторность, ориентация на многие центры силы. При этом решения, которые принимаются отдельными государствами в рамках сопряжения, известны всем участникам ЕАЭС. Совет глав государств, главный орган интеграционного объединения, во-первых, может рассматривать любые вопросы, носящие определяющее значение для его существования, во-вторых, принимает решения консенсусом, что в данном случае аналогично праву вето. Иначе говоря, соглашения государств в рамках сопряжения других проектов не вызывают возражений у всех стран ЕАЭС. Но это вызывает ряд новых вопросов. Например, существует широко распространенное мнение о том, что ЕАЭС в основном и есть Россия, которая, как наиболее экономически сильное государство и политически самое авторитетное, член Совета безопасности ООН, в определенном смысле выступает от имени всего ЕАЭС. Кроме того, в самой политической элите Китая ЕАЭС воспринимается сегодня, скорее, не как единая институция суверенных государств, а как проект, развиваемый в первую очередь по инициативе России, что очевидным образом переносится и на проблемы сопряжения. Подтверждением этому может считаться Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП). Другими словами, именно Российская Федерация выступила от лица Союза с данной инициативой. Таким образом, во многих случаях на практике именно Китай и Россия становятся сторонами переговоров.

Более сложной проблемой являются серьезные противоречия на уровне идеологии проектов ЕАЭС и ОПОП. Китайские руководители предполагают создание обширных зон свободной торговли, руководители Союза хотят защитить преференции (общую таможенную территорию) для внутренних рынков от внешних игроков и бестарифную зону только для его участников. Гармонизировать эти разнонаправленные идеи достаточно сложно, но возможно, создав соответствующую нормативно-правовую базу.

Она хорошо известна, поэтому назовем только некоторые соглашения. В основе нормативно-правового регулирования российско-китайских отношений лежит «Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой» (2001 г.). Старт переговорам о сопряжении ЕАЭС и ЭШП дали совместные заявления России и Китая. В целях реализации договоренностей, зафиксированных в совместных заявлениях РФ и КНР о сотрудничестве по сопряжению 2015 и 2018 гг., по итогам российско-китайских переговоров был подписан ряд нормативно-правовых документов. Первый пакет двусторонних договоров между РФ и КНР насчитывает 29 нормативно-правовых документов (2015 г.). Второй пакет соглашений — 28 нормативно-правовых документов (2017 г.). Стратегическое направление сотрудничества по сопряжению ЕАЭС и ЭШП отражено в «Соглашении о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и его государствами-членами и Китайской Народной Республикой» (2018 г.). В рамках сопряжения ЕАЭС и ЭШП было принято 39 приоритетных проектов в сфере транспорта и инфраструктуры. Армения предложила два проекта, Беларусь — три, по двенадцать — Кыргызстан и Россия, еще десять — Казахстан. Двадцать проектов из списка относятся к сфере железнодорожного транспорта, которые направлены на реализацию крупных инфраструктурных проектов, дополняющих основные транснациональные транспортные коридоры на территории Евразии, которые в целом направлены на налаживание сквозной логистики Китай — ЕАЭС — ЕС и сопутствующих маршрутов. В целях углубления сотрудничества и дальнейшей реализации механизма сопряжения ЕАЭС и ЭШП были подписаны пятнадцать нормативно-правовых документов (2018 г.). Это соглашения о международном автомобильном сообщении, сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях, рамочные контракты по строительству ядерных энергоблоков и многое другое.

Положения этих соглашений позволяют в определенной мере нивелировать противоречия основных идей и запускать развитие взаимоотношений в других сферах, которое и идет по нарастающей. Окончательное примирение этих идей происходит в предложенном президентом В. В. Путиным проекте Большого Евразийского партнерства. Президент России пишет: «Россия видит будущее евразийского партнерства не просто как налаживание новых связей между государствами и экономиками. Оно должно изменить политический и экономический ландшафт континента, принести Евразии мир, стабильность, процветание, принципиально новое качество жизни... И в этом отношении большая Евразия — это не абстрактная геополитическая схема, а, без всякого преувеличения, действительно цивилизационный проект, устремленный в будущее»¹.

Торгово-инвестиционные направления ЕАЭС и ОПОП

Торгово-инвестиционное направление ОПОП является стержнем всей стратегии и представляет собой комплекс мер по активизации и поддержке самостоятельных торговых, инвестиционных и производственных проектов китайских компаний за рубежом. При этом, помимо многосторонних финансовых институтов, Китай создает совместные инвестиционные фонды для работы с отдельными странами. Так, Российско-китайский инвестиционный фонд распоряжается капиталом в \$2 млрд в равных долях от РФ и КНР [3].

Несмотря на распространенное мнение западных и российских экспертов, главное содержание китайского мегапроекта «Один пояс — один путь» значительно шире развития трансконтинентальных логистических маршрутов и фактически включает в себя комплексное содействие коммерческой деятельности китайских компаний на зарубежных рынках, транспортная составляющая имеет огромное значение.

Такой проект, как Высокоскоростные железнодорожные системы Европы и Азии, проходящие через Россию, — проект Высокоскоростной железнодорожной магистрали «Евразия» (ВСМ), новое слово в этой технике. По словам специалистов, это принципиально новый подход к проектированию высокоскоростных магистралей, рассчитанных на перевозку не только пассажиров, но и грузов². Этот проект рассматривается

¹ Международный форум «Один пояс — один путь» [Электронный ресурс] // Сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/54491> (дата обращения: 15.09.2021).

² Стоимость ВСМ «Евразия» составит 1 трлн юаней [Электронный ресурс] // Gudok.ru. URL: <https://gudok.ru/content/infrastructure/1423334/> (дата обращения: 15.09.2021).

как первый этап масштабного высокоскоростного коридора Китай — Россия — Европа, часть инициативы ОПОП, которая свяжет воедино транспортные системы континента. Есть мнение, что грузопассажирская ВСМ «Евразия» станет крупнейшим в мире проектом в сфере железнодорожного транспорта. В проекте участвуют РАО РЖД и Китайская железнодорожная инженерная корпорация.

Выше уже было сказано о гигантском географическом охвате проекта ОПОП. Кроме стран Европы и Азии, это государства Латинской Америки и Африки. Очевидно, что развивающиеся страны демонстрируют сегодня очень разное социально-экономическое развитие. Ограниченность ресурсов диктует им зачастую свой путь во благо своего населения. Таким образом, приоритеты могут не совпадать. Так, ЕАЭС в первую очередь направлен на собственное развитие в рамках Таможенного союза, но в то же время имеет планы построения экономического центра силы в евразийском регионе, что требует вдумчивого отношения к сопряжению. Думается, что руководители КНР понимают эту проблему и в ближайшем будущем попытаются если не решить, то хотя бы уменьшить ее. Косвенным подтверждением этому является принятая стратегия «двойной циркуляции» и включение ее в план развития страны. В принципе, речь идет о развитии Китая, озвученном на заседании Политбюро ЦК КПК в мае 2020 г. Суть стратегии, по словам Си Цзиньпина, в установлении новых форматов развития — внутренней и международной двойной циркуляции, которые дополняли бы друг друга¹. Китай переориентируется с инвестиций в сухопутную и морскую инфраструктуру на достижение внутренней технологической самодостаточности². Неравномерное социально-экономическое развитие государств — очень серьезная проблема. Развивающиеся государства хотят получить побольше инвестиций, что может вызвать, мягко говоря, большие сложности. Считается, что на строительство Шелкового пути может пойти около \$1 трлн (по подсчетам ЕЭК). Это колоссальная сумма дешевых денег / кредитов, которые с большой вероятностью некоторые страны вернуть вовремя не смогут. Ряд экспертов окрестили это термином «колонизация». Достаточно четко и объективно на этот счет высказался Т. Саркисян³. Риски есть в случае любого мега-проекта; задача состоит в том, чтобы согласовать все интересы и правильно оценивать риски⁴.

При реализации интеграционных проектов важным параметром является международное признание проекта, его легитимация. Обычно для международных структур это соответствующее одобрение парламентской / межпарламентской ассамблеи. В ее отсутствии это возможно, что называется, по умолчанию. Если интеграционная структура принимает участие в глобальном управлении, берет на себя некоторые функции, выполняемые международным правом, например, способствует достижению целей устойчивого развития ООН, она получает международное признание. Поэтому очень важны формулировки, данные министром Ван И, касающиеся моделей российско-китайских отношений:

- во-первых, Китай и Россия должны служить для всего мира примером стратегического взаимного доверия, защищать коренные интересы, противостоять цветным революциям, вместе бороться с распространением ложной информации, защищать суверенитет и политическую безопасность;
- во-вторых, быть примером взаимовыгодного сотрудничества в сопряжении двух проектов ОПОП и ЕАЭС, инвестиционного сотрудничества, совместных научно-технических инновациях, цифровой экономике, других инновационных сферах;
- в-третьих, должны продолжать традиции российско-китайской дружбы, передав их будущим поколениям;
- в-четвертых, отстаивать авторитет Организации Объединенных Наций, вместе защищать международное право и базовые принципы международных отношений, глобальную стратегическую стабильность⁵.

¹ Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XXVI: ежегодное издание [Электронный ресурс] / сост., отв. ред. Е. И. Сафронова. URL: https://www.ifes-ras.ru/images/abook_file/kitmir-2021.pdf (дата обращения: 10.10.2021).

² Кулинцев Ю. Что означает и куда ведет «двойная циркуляция» Китая? [Электронный ресурс] // РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chto-oznachaet-i-kuda-vedet-dvoynaya-tsirkulyatsiya-kitaya/> (дата обращения: 10.10.2021).

³ Председатель Коллегии Евразийской комиссии в 2019 г.

⁴ Я бы избегал термина «колонизация»: глава коллегии ЕЭК о новом Шелковом пути [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/19-03-2019-1V.aspx> (дата обращения: 10.10.2021).

⁵ Четыре новые модели российско-китайских отношений [Электронный ресурс] // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/world/757541> (дата обращения: 10.10.2021).

Безусловно, задачи значительно масштабнее, чем просто торговля. Да и равноценный торговый баланс между ЕАЭС и Китаем если и возможен, то это далекая перспектива. В своей статье В. А. Шамахов совместно с В. В. Случевским в журнале «Евразийская интеграция: экономика, право, политика» заостряют внимание на том, что «сам же ЕАЭС основан исключительно на потоке товаров, а у организации нет идеологии. По словам В. И. Ленина, “идея должна овладеть массами”, только тогда возможен успех» [2]. Полагаем, что у Евразийского экономического союза и инициативы «Пояса и Пути» возможно светлое будущее, когда появится идеологическая и культурно-гуманитарная составляющая. Поэтому очевидно, что более активную позицию должны занять парламентарии стран всех уровней. С этим трудно не согласиться, учитывая и необходимость международного признания. Возможно, это будет реализовано при формировании Большого Евразийского партнерства [Там же]. К этому можно только добавить, что в основе сопряжения проектов лежит выверенная прагматика. А. А. Акаевым и В. А. Садовничим, наиболее известными математиками Киргизии и России, было проведено моделирование и долгосрочное прогнозирование экономического развития и взаимной торговли Китая, России и ЕС при отсутствии и наличии высокоскоростных транспортных коридоров. Для развития торговли Китая и ЕС существуют два сценария: инерционный и ускоренный. Инерционный дает увеличение товарооборота в три раза к 2050 г. Ускоренный, введение в действие скоростной магистрали Китай — РФ — Европа, — увеличение товарооборота в пять раз. Для РФ — такие же сценарии: в инерционном сценарии годовой прирост ВВП в 2020–2030 гг. до 3% годовых при нормализации отношений с Западом. В ускоренном, с магистралями, — до 6% в год.

Еще раз уточним, что это при нормальных отношениях с Западом, то есть в отсутствии санкций [1]. Очевидно, что это показывает связь и взаимозависимость в мире. Однако последние события пока не дают повода для оптимизма. Об этом говорит решение Европейского парламента приостановить ратификацию инвестиционного пакта, предоставляющего европейским компаниям расширенный доступ на китайский рынок, ставя определенные условия для ратификации. Сопряжение двух интеграционных проектов идет достаточно интенсивно. Реализуются заявленные совместные и многосторонние проекты, выполняются принятые на себя обязательства в рамках подписанных соглашений и договоров.

Заключение

В своем интервью перед встречей с президентом Соединенных Штатов Америки Дж. Байденом, президент Путин сказал: «...хочу сказать, — у нас с Китаем за последние годы, за последние десятилетия сложились отношения стратегического партнерства, которых в истории наших государств мы ранее не достигали. Большой уровень доверительности и сотрудничества, причем по всем направлениям: в политике, в экономике, в сфере технологий, в военно-техническом сотрудничестве. Мы не считаем, что Китай представляет для нас угрозу. Эта дружественная страна. Она же не объявляет нас врагом, как это сделали в Соединенных Штатах... Но самое главное — это характер и уровень отношений с Китаем»¹.

В России хорошо знают позицию председателя КНР Си Цзиньпина в вопросе сотрудничества. В его докладе на XIX съезде КПК (2017 г.) уже во многом прозвучали эти мысли, которые в дальнейшем стали неотъемлемой частью «Плана развития КНР», что еще раз было подтверждено в речи председателя Китая на площади Тяньаньмэнь 1 июля 2021 г.²: «В новом походе мы должны, высоко неся знамя мира, развития, сотрудничества и всеобщего выигрыша, проводить самостоятельную и независимую мирную внешнюю политику, неизменно следовать по пути мирного развития, способствовать построению нового типа международных отношений, продвигать создание сообщества единой судьбы человечества, содействовать высококачественному развитию в рамках инициативы “Один пояс — один путь”, предоставлять миру новые возможности за счет новых достижений развития Китая»³.

¹ Интервью В. В. Путина BBC (журналист Эн-би-си Кир Симмонс) [Электронный ресурс] // BBC News. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-57472114> (дата обращения: 10.10.2021).

² Власти Китая организовали в Пекине масштабное празднование по случаю столетия компартии [Электронный ресурс] // ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/11793883> (дата обращения: 10.10.2021).

³ Речь Генерального секретаря ЦК КПК тов. Си Цзиньпина на торжественном собрании по случаю столетнего юбилея со дня основания Коммунистической партии Китая. 1 июля 2021 года [Электронный ресурс] // Красная линия. URL: <https://www.rline.tv/news/2021-07-06-polnyy-tekst-rechi-si-tszinpinga-na-torzhestvennom-sobranii-po-sluchayu-100-letiya-so-dnya-osnovaniya/> (дата обращения: 10.10.2021).

Именно это и является залогом успешного взаимодействия и взаимовлияния интеграционных процессов ЕАЭС и проекта «Один пояс — один путь» на благо наших народов.

Результатами стали: показана возможность использования положений современной теории евразийской интеграции для решения задач взаимодействия ЕАЭС и ОПОП; показано, что идеологические противоречия проектов ЕАЭС (защита преференций общей таможенной территории) и ОПОП (создание обширных ЗСТ) отчасти снимается подписанными соглашениями в рамках сопряжения; показана устойчивость интеграционных структур к пандемии.

Новые подходы к определению процесса интеграции, в частности, теория евразийской интеграции — «прагматическое евразийство» ориентирована на возможность достижения целей проекта «Один пояс — один путь» и концепции Большого Евразийского партнерства и дает возможность показать динамику развития, в том числе и в российско-китайских отношениях.

Литература

1. *Акаев А. А., Садовничий В. А.* Моделирование и долгосрочное прогнозирование экономического развития и взаимной торговли Китая, России и ЕС. Концепция и стратегические приоритеты Большого Евразийского партнерства. Москва — Санкт-Петербург, 2019.
2. *Шамахов В. А., Случевский В. В.* Некоторые аспекты сопряжения проектов ЕАЭС — «Один пояс — один путь» // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2019. № 1.
3. *Чубаров И. Г.* Пять составляющих внешнеэкономического курса Китая «Один пояс — один путь» // Международная аналитика. 2018. № 3.

Об авторах:

Случевский Вячеслав Владимирович, советник научного руководителя СЗИУ РАНХиГС при Президенте РФ (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат исторических наук; sluchevskiy-vv@ranepa.ru

Торопыгин Андрей Владимирович, профессор кафедры международных отношений Северо-Западного института управления Российской академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор политических наук; toropyginav@mail.ru

References

1. Akaev A. A., Sadovnichy V. A. Modeling and long-term forecasting of economic development and mutual trade of China, Russia and the EU. Concept and strategic priorities of the Great Eurasian Partnership. Moscow — Saint Petersburg, 2019. (In Rus.)
2. Shamakhov V. A., Sluchevsky V. V. Some aspects of the interface of EAEU projects — “One Belt — One Way” // Eurasian integration: economy, law, politics [Evraziiskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika]. 2019. No. 1. (In Rus.)
3. Chubarov I. G. Five components of China’s foreign economic course “One Belt — One Way” // International Analytics [Mezhdunarodnaya analitika]. 2018. No. 3. (In Rus.)

About the authors:

Viacheslav V. Sluchevskiy, Advisor to the Research Supervisor of North-West Institute of Management of RANEPА (Saint Petersburg, Russian Federation), PhD in History; sluchevskiy-vv@ranepa.ru

Andrey V. Toropygin, Professor of the Chair of International Relations of North-West Institute of Management of RANEPА (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Political Sciences), Professor; toropyginav@mail.ru